

ЗАЧЕМ МЫ СДЕЛАЛИ ЭТУ КНИГУ?

Да просто потому, что рядом с нами, в нашем большом и шумном городе случаются удивительные вещи. Озарения, открытия, знаковые встречи.

Вот вы спешите утром на работу сквозь пробку или в суетливом вагоне метро, а совсем рядом с вами, может быть, на ближайшем сиденье или в соседней машине, находится человек, с которым прямо в эту минуту происходит что-то невероятное, — вдруг он почувствовал свою силу, свой замысел, подумал стать пекарем и не поехал в офис, собрался изучить кинематограф и стать режиссером, искренне простил кого-то, захотел жениться или, например, уехать жить на берег Истры.

Город вдохновляет тех, кто открыт для этого. Улицы, станции и остановки, парки и вокзалы, дворы и скамейки — прочитав эту книгу, сборник рассказов разных людей, вы почувствуете движение жизни, ее радость и иногда светлую грусть.

Это правдивые истории о том, как живут люди в нашем городе — в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

Родословная алоэ Геннадия – Тери Аболевич	6
Барс на Флаконе – Виктория Новосельская	9
Матримониальная коробейница – Йана Бориз	10
На Кулишках – Владимир Чернявский	12
Девять и три четверти – Полина Стрижак	15
Моя НИКОЛЬская – Хелла Гуд	16
А про нас ничего не подумают? – Марина Мищенко	18
Счастье и коза – Мария Дебабова	20
Улица Вильгельма Пика – Сэм Юнф	22
Я узнал, что он умер – Гарик Сукачѳв	25
Игры за Кутузовским – Александра Фролова	26
Учись, москвичка! – Ирина Курохтина	29
Белая площадь – Виктория Новосельская	32
Встретимся на Казанском – Анна Бауэр	36
Спокойствие – Юлия Першина	39
Утро в столице – Елена Родионова	42
Полет Кондора – Полина Стрижак	44
Стою на балконе. Ночь. Москва – Анна Волкова	45
Человек в дубленке – Александр Ф. Скляр	46
Московская ночь – Илья Михеев	48
Над вымыслом слезами обольюсь – Ольга Антонова	50
Мистическая суббота – Наталия Авдеева	52
Лицо погрустнее и к выходу – Татьяна Карпеева	55
Гольяново принимает – Анна Голованова	58
Морозовский сад – Виктория Мэксэм	60
Погуляй на разгуляе – Татьяна Жукова	64
Есенин – Светлана Каталникова	68
Волшебство на катке – Дарья Мазина	70
Мы, я и вокзал – Ксения Нестерова	72
«Москва на Ваших фотографиях другая!» – Елена Крижевская	74
Скрежет лопаты – Виктория Новосельская	76
Место памяти – Наталья Литвишко	78
Врач-рентгенолог – Ксения Кормыш	81
Секретное место – Анна Кумпан	84
Лесенка-Чудесенка – Настасья Фед	88
Баги первой любви – Катерина Ромм	91
Молочный коктейль – Дарья Галихина	94
Спасти караульного – Ангелина Лисицкая	96
Садик – Татьяна Адамчевская	98
Очередь – Татьяна Адамчевская	99
Обязана успеть! – Олеся Лаврина	100
Дом на Бахрушина – Юлия Соболева	106

ТЕРИ АБОЛЕВИЧ

РОДОСЛОВНАЯ АЛОЭ ГЕННАДИЯ

В моем кабинете у окна кустится алоэ. Прабабка называла такие столетниками, мол, зацветают раз в сто лет. Она их разводила по своим подоконникам, сколько себя помню, и ни один не цвел. А вот моему всего-то лет десять, да и мне чуть за тридцать — думаю, у нас есть шанс поцвести. Алоэ зовут Геннадий. С каждым годом он требует все больший горшок, он уже с метр высотой и наделал массу отростков. Он колючий, мясистый и отзывчивый — вертится вслед за солнцем, расправляет листья, когда слышит музыку, — очень любит Вагнера.

Гена появился у меня случайно. Мы с приятелями, тогдашними студентами юрфака, задумали прогуляться по Крутицкому подворью. Есть такое местечко в Таганском районе Москвы, завернешь туда — и теряешься во времени. Центр, столица, XXI век, но где

это все? Тишина и древность, древность и тишина. Бывший монастырь, исторические постройки, подгнивший старый штакетник. Вот за этой атмосферой мы и подались в один из мартовских дней.

Вышли на Марксистской, чтобы забежать в «Макдоналдс» и дальше прогуляться по Краснохолмской набережной до самого подворья. На выходе из метро, когда уже поднимаешься по ступенькам на улицу, всегда вьются всякие деятели, выползают, как подснежники в конце марта, и начинают приторговывать разным товаром. Кто небольшими картинками, кто безделушками, бывает, даже носками. Сейчас, наверное, это уже ушло, но тогда еще практиковалось. И вот я выбираюсь из подземки и вижу старушку — стоит у входа, маленькая, сморщенная, в руках горшочек с ростком алоэ. Продает. У меня всегда сжимается

сердце от таких видов — неспроста старики целыми днями стоят у метро, заглядывают в лица прохожих, предлагая купить у них сущую ерунду.

Я тогда отпустила приятелей вперед, пусть идут за своими гамбургерами, я нагоню. Подошла к старушке. Ее кожа истерлась и иссохла по требованию времени, волосы выцвели, а вот глаза были молодые: не тронутые ни мутью, ни спутанными мыслями. Она была аккуратно одета, от нее пахло легкими и свежими духами — очень гармонично в ранней весне.

У нас тогда завязалась беседа, и мое сжавшееся сердце сразу как-то расправилось, расцвело здоровым румянцем. Оказалось, Валентина Марковна живет здесь неподалеку, и живет вовсе не плохо: пенсия, внуки, бридж с коллегами по старости каждую субботу. Лето она проводит у моря, а сейчас осваивает скандина-

вскую ходьбу — ту самую, с лыжными палками. Но вот беда — у нее возмутительно и бесконтрольно множится алоэ. Регулярно дает отростки, разрастается и множится еще сильнее. Между прочим, цвел на ее веку уже дважды. Поэтому она иногда вот так стоит у метро и пытается пристроить «деток» своего плодovitого Аристарха Петровича — так она его назвала. Не выбрасывать же, в самом деле.

Когда она договорилась, я уже твердо знала, что этот росточек пойдет со мной. Я отдала старушке 50 рублей, как она заверила: «Традиция, что за цветок, что за котенка, символически денежку отдать, чтоб прижился». Алоэ, оказавшись в моих руках, как будто сразу представилось: «Приветствую, Геннадий Аристархович».

В тот день мы долго гуляли. С весенней набережной открывался чудесный вид на Московский Дом музыки. Я еще схожу туда в декабре и буду слушать Штрауса. Мы обошли все Крутицкое подво-

рье, вдохнули его старины, даже какой-то заброшенности. Оттуда — на Казанский вокзал и на электричке домой, в подмосковный поселок. Не алоэ — натуральный путешественник!

Сейчас Геннадий Аристархович уже большой. Пока что не цвел ни разу, но множится он и правда исправно — и я теперь тоже пристраиваю его отростки. Он родился в квартире интеллигентной старушки в Таганском районе Москвы, жива ли она еще? Гене показывают солнце и иногда включают Вагнера. Не беспокойтесь, Валентина Марковна, он в надежных руках! ■

СЕЛО КРУТИЦЫ, ГДЕ ПОЯВИЛСЯ МОНАСТЫРЬ, СТОЯЛО В СТРАТЕГИЧЕСКИ ВЫГОДНОМ МЕСТЕ, НА КРУТОМ БЕРЕГУ РЕКИ, — ОТСЮДА НАЗВАНИЕ. В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА ПОМЕЩЕНИЯ КРУТИЦКОГО ПОДВОРЬЯ ЗАНИМАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, НО В 1991 ГОДУ ОНО БЫЛО ВОЗВРАЩЕНО ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СДЕЛАЛОСЬ ОФИЦИАЛЬНЫМ ПОДВОРЬЕМ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ. КРУТИЦКАЯ УЛИЦА, 17, СТРОЕНИЕ 4

ВИКТОРИЯ НОВОСЕЛЬСКАЯ

БАРС НА «ФЛАКОНЕ»

Есть в Москве модное место, арт-пространство Flacon. Оно обогатило мой мир новыми образами. Когда-то давным-давно — хрустально-стекольный заводик имени Калинина, а сейчас — место для креативных и творческих людей, компаний: мастерских, офисов, кафе, магазинов, выставок и проектов в сфере моды, дизайна, архитектуры.

Именно на этой территории обитает человек-барс. Президент крупного рекламного агентства. Легенда классического маркетинга. Высокий, статный, с благородной сединой. Добившийся многого. Знающий себе цену. Очень уверенный и спокойный. И поэтому добрый. Уверенные в себе люди, обладающие чувством собственного достоинства, всегда добрые.

Внутреннюю мощь и красоту этого человека-барса особенно подчеркивает среда его обитания. Весь дизайн-завод Flacon представляется такими джунглями из мультика «Рио». Его жители сплошь дерзкие, красочные, расписные особи, желающие эпатировать, если не внешностью, так образом

мышления или поведением. Кто-то называет это свободой. Возможно. Мне там нравится, эти легкомысленные и прикольные джунгли порой рожают значимые для остального мира проекты.

Так вот, барсы не живут в джунглях. Но если барса поселить там, от этого он не перестанет быть барсом. Но начнет приспосабливаться к джунглям. И это люто интересный микс. Ты видишь перед собой человека, который очень гармонично бы смотрелся в зимнем альпийском шале где-нибудь в Шамони, в дорожной песцовой шапке от Armani, в компании красавицы-жены. Но он стоит перед тобой, и то, что он говорит, никак не стыкуется с его образом. Например: «А давай сошьем двухметрового розового единорога за неделю», или: «Скоро ко мне на дачу приедут 200 гостей, надо выкопать бассейн», или: «А давай нарисуем комикс с проституткой» — и так далее. Год работы с «барсом» был очень интересным и непредсказуемым, — бодрый тонус и нестандартные задачи. Но напряженным: во-первых, я не житель джунглей, мне

ДИЗАЙН-ЗАВОД ВОЗНИК В 2009 ГОДУ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО ХРУСТАЛЬНО-СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА И СТАЛ ПРИМЕРОМ РЕОРГАНИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НОВОМ КАЧЕСТВЕ БЫВШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЗОНЫ. БУТЫРСКИЙ РАЙОН, УЛ. БОЛЬШАЯ НОВОДМИТРОВСКАЯ, 36

весело приезжать туда, проводить время в этой среде, больше наблюдать; во-вторых, свою прямую задачу выполнить я не смогла. Мне не стыдно за это, я знаю, что пробовала разные пути и прорабатывала все варианты. И отрицательный результат — тоже результат, я его принимаю. В общем, так как для человека-барса я больше ничем не могла быть полезной, мы разошлись. Но этот образ, невероятно мощный, харизматичный, излучающий добро, — этот образ теперь со мной навсегда.

А еще там же, на «Флаконе», нашлась Юлька, замечательная девчонка. Женщина, но именно девчонка в душе. Влюбленная в жизнь, обожающая своих детей и несущая добро в этот мир. И я рада, что знакома с ней. ■

ЙАНА БОРИЗ

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ КОРОБЕЙНИЦА

Настоящая Москва — она бело-красная, нарядная, дерзко-узорчатая, как Новодевичий монастырь или Василий Блаженный. Она не серая и не стеклянная, не бурый камень сталинского ампира и не стальные балки конструктивизма. Настоящая Москва пирует в сказочных теремах, выглядывает из стрельчатых окон и крадется по кружевным стенам. А иногда окликает зазевавшегося прохожего колокольным звоном и дразнит золотым блеском щедро рассыпанных золотых луковок.

В детстве по не изученным причинам я считала, что самое важное и красивое здание в настоящей Москве — это не Кремль, и не высотка на Котельнической, и не Третьяковка, и даже не ГУМ. Самое важное, нужное и совершенное здание — это Ярославский вокзал, подпирающий Каланчёву площадь, которая на самом деле — Комсомоль-

ская, а в народе как была, так навсегда и останется площадью трех вокзалов. Ярославский вокзал, шоколадный гребень на толстобоком безе — праздничный торт из кондитерской, красно-белая гамма карнизов и арок в мотивах древнерусского зодчества, приподнятое настроение путешественников, неотступно витающее под сводами и перекликающееся с тепловозными гудками. А на площади высокомерно глядит на сказочный теремок низкорослого вокзала громада «Ленинградской» — символ величия краснознаменной империи, быстренько исчезающей с карты мира, но навсегда оставившей рубцы в семейных альбомах. И самое вкусное мороженое продавалось там же, в привокзальном уличном киоске рядом с бухтящей пошарпанной дверью, хранящей следы имперского величия, но побитой молью неугомонных попрошайек. И самую яркую книгу детства — про озорницу Пеппи — папа купил мне у лоточного книго-торговца за пять минут до отхода поезда. Именно здесь я горько плакала, не поступив

С ЯРОСЛАВСКОГО ВОКЗАЛА
ОТПРАВЛЯЮТСЯ ПОЕЗДА ПО САМЫМ
ПРОТЯЖЕННЫМ МАРШРУТАМ —
К ТИХОМУ ОКЕАНУ И БЕЛОМУ МОРЮ,
К ВОЛЖСКИМ БЕРЕГАМ В КОСТРОМУ
И ЯРОСЛАВЛЬ, В КИТАЙ И МОНГОЛИЮ.
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЛ., Д. 5

в вуз, а какая-то сердобольная тетка с расплывшимся добрым лицом, увешанная потрепанными баулами, распаренная, с томным взглядом из-под доверчивых рыжих ресниц, допрашивала меня:

— Че ревешь-то? Жених бросил?

— Нет, — захлебывалась я в потоке полудетского отчаяния, — в институте учиться хочу.

— А жених-то есть? — матримонимальная тема не на шутку волновала собеседницу.

— Есть, — признавалась я, не испытывая положенной гордости.

— Хороший? — задумчиво провожая взглядом отбывающие составы, продолжала расспросы пышнотелая коробейница.

— Угу.

— Так езжай к нему да выходи замуж! — постановила случайная судьба. — А Москва на этом месте вот уже 1000 лет стоит и еще стоять будет. Не убежит от тебя!

Эта простая истина открылась мне — дурочке — внезапно и вскользь. Но где-то седьмым или семнадцатым чувством

я ощущала ее правоту, произносив судьбоносное «да». И потом, отбывая в медовый месяц с перрона Ярославского вокзала, сердечно улыбавшегося счастливым новобрачным многочисленными грязноватыми окнами. И сейчас, покупая своим детям самое вкусное в мире мороженое на привокзальной площади возле бесшумно вращающейся новомодной двери. Москва не убегает, она распахивает свои бело-красные объятия, как много веков назад, как много веков спустя. ■